

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2011 г. Д.Б. ПАВЛОВ*

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX века В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

События первой четверти XX в., особенно 1917 г. и первых послеоктябрьских лет, задали условия существования Русской Православной Церкви (РПЦ) и определили характер государственно-церковных отношений в России почти на всем протяжении прошедшего столетия. Этим обусловлены объект и хронологические рамки настоящего обзора. В нем анализируются основные направления и тенденции при рассмотрении церковно-государственной проблематики в зарубежной, преимущественно англоязычной историографии последних десятилетий¹.

Более или менее отчетливой гранью развития всего западного россиеведения XX в., как известно, стал рубеж 1960–1970-х гг., когда на авансцену вышли «ревизионисты» – молодые адепты социальной истории. «Новое поколение историков России, главным образом в США, в 1960-х гг. приступило к демонтажу общепринятой [на Западе] либеральной интерпретации революции с ее акцентом на всевластии идеологии, персоналиях и политической интриге и к переосмыслению событий 1917 г. как борьбы социальных классов», – вспоминал видный американский историк-ревизионист Р.Г. Суни². В 1970–1980-х гг. прогрессу «ревизионистского» направления сопутствовала пусть недолгая, но «необыкновенная популярность марксистской теории в научных кругах». Парадоксально, но именно на этом фоне на Западе ожил интерес к истории РПЦ и государственно-церковных отношений в России. С тех пор исследования на этот счет превратились в заметную часть англоязычного историографического ландшафта.

Вплоть до последней трети XX в. в зарубежной русистике российско-советская государственно-церковная и церковно-религиозная проблематика находилась на периферии внимания исследователей. Как признают и сами западные россиеведы, на протяжении десятилетий исследованиям религиозного сознания и «религиозного опыта» они и их предшественники предпочитали изучение светской идеологии³. «12 лет назад трудно было найти человека, интересующегося вопросами религии в СССР, – вспоминал в 1975 г. дипломат и историк сэр Дж. Лоуренс. – Всем казалось... что религия фактически задушена, а то немногое, что осталось – маргинально»⁴. Интерес к этой проблематике оживился лишь в 1970–1980-х гг., когда зарубежные социологи и политики, фиксируя разнообразные проявления «возвращения духовности» (return of the sacred), начали ощущать приход религии на место прежних «поблекших» политических учений, особенно обанкротившихся «революционных символов веры»⁵.

Возникший на этом фоне «поток» публикаций по проблемам религии и Церкви в СССР и в других коммунистических странах Восточной Европы⁶, оказался, однако,

* Павлов Дмитрий Борисович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Исследование выполнено в рамках государственного контракта № 02.740.11.0577 по теме: «Поиски моделей церковно-государственных отношений в России, 1917–1922 гг.»

преимущественно посвящен не раннесоветской истории вопроса, а послевоенному периоду и современности⁷. Зарубежные социологи начали активно изучать советскую конфессиональную и социокультурную действительность, опираясь на сведения, полученные их коллегами в СССР в ходе социологических исследований⁸. С одной стороны, обращение к добытым таким образом социологическим данным находилось в русле продолжавшего набирать популярность направления социальной истории, с другой – явилось проявлением существующей и поныне тенденции рассматривать работы отечественных ученых преимущественно как источник эмпирических сведений, написанные на устаревшей догматически марксистской или позитивистской методологической базе.

Что касается собственно государственно-церковной тематики, то в 1960–1990-х гг. зарубежные историки продолжали изучать историю превращения «атеистической доктрины» Маркса–Ленина в государственную политику большевиков⁹. Внимание к этим сюжетам восходило к оценкам П.Б. Струве, который еще в середине 1920-х гг. определил «реальный облик русского коммунизма» в интересующей нас сфере как «сочетание полицейского насилия с воинствующим безбожием»¹⁰, и явилось продолжением исследовательской традиции, заложенной русскими пореволюционными эмигрантами и их прямыми потомками. Американцы У. Флетчер и У. Хасбанд, британцы У. Коларж и Дж. Басс, высланный из СССР диакон В. Степанов (Русак) опубликовали исторические работы, посвященные «выживанию» православия в СССР и превращению верующих в «новый угнетенный класс коммунистического режима»¹¹. «Хотя враждебны церкви были все коммунистические режимы Восточной Европы и Кубы, – писал канадский историк украинского происхождения Д.В. Поспеловский, – нигде кроме Албании не было такого основательного погрома церкви, как в СССР... Не было ни в одной из этих стран и массовых зверских мучений, которым подвергались церковь и ее служители»¹².

В 1970-х гг. в англоязычной историографии были сформулированы и причины столь жесткой политики. В их числе назывались, во-первых, «историческая память» («ассоциация Церкви с деспотической царской властью»), во-вторых – «идейное наследие» Ленина и его преемников, которые «интерпретировали Марксов атеизм в воинствующем духе» и, в-третьих, «авторитарные устремления» самого большевистского руководства, имевшего целью «интегрировать общественную жизнь в сферу партийной деятельности» и превратить все общество в «приводной ремень» политики партии¹³. Позднее профессор-историк Вашингтонского университета С. Рамет выделила 3 последовательные фазы формирования «коммунистической модели» государственно-церковных отношений: первую (раннюю), нацеленную на уничтожение независимости Церкви как института; вторую («фазу становления системы») – время «эффективной нейтрализации» церковного сообщества как потенциальной угрозы режиму и третью – фазу «стабилизации системы», когда Церковь оказывается в положении, подчиненном «интересам все более технократичной элиты»¹⁴.

В посткоммунистической России с зарубежных историков православия, включая потомков белоэмигрантов, было фактически снято клеймо «классовых врагов». Они получили возможность печатать свои произведения на исторической родине, свободно работать в российских архивах и библиотеках, некоторые стали российскими гражданами¹⁵, другие передали в дар Отечеству свои десятилетиями копившиеся книжные богатства¹⁶. На рубеже 1980–1990-х гг. иностранные историки вместе со своими российскими коллегами воодушевленно ринулись изучать документы ставших общедоступными отечественных архивов. В Москве открыл свое представительство оксфордский Институт Кестона (Keston Institute) – одно из старейших научно-исследовательских и религиозно-правозащитных учреждений, которое, считает британская религиозная правозащитница К. Деннен, советские спецслужбы относили к числу «5 самых опасных западных антисоветских организаций»¹⁷.

На Западе с энтузиазмом приветствовали появление отечественной постсоветской «церковной» историографии¹⁸. Между тем уже в начале 1990-х гг. крах советского режима, как констатировала Л. Энгельштейн, «видоизменил нарратив» всей русской

истории XX в., приведя его к серьезным переоценкам¹⁹. Сравнительная быстрота и легкость падения российского коммунизма размывали исходный постулат зарубежных «ревизионистов» о его некогда весомой социальной поддержке и ставили под вопрос перспективность дальнейшего осмысления истории России, опираясь на «марксистско-окрашенные», по характеристике М. Рава²⁰, методы социальной истории. Выход из наметившегося методологического тупика подсказал «вызов», брошенный эмпирической истории другими гуманитарными дисциплинами, – философией, литературоведением, лингвистикой, социальной и культурной антропологией. На пороге нового тысячелетия традиционную социальную историю начала теснить «новая история культуры» с ее антропологическими интерпретациями различных символических систем, лингвистическим, литературоведческим и другими методами текстового анализа²¹. В итоге на Западе не произошло ничего подобного по масштабам отечественному постсоветскому церковно-историческому и археографическому «буму». Раннесоветские исследования, вспоминает историк Р. Маккин, долгое время находились на втором плане, и основное свое внимание англоязычные русисты сосредоточили на межвоенном периоде и особенно на «создании сталинской России в 1930-е гг.»²². Историографический всплеск 1990-х гг. касался проблем современного положения РПЦ в России с акцентом на выяснении ее роли в крушении советского режима²³.

Независимо от этого вновь открытые документы российских архивов существенно обогатили источниковую базу новых работ по истории РПЦ начала XX в. и, как отметил профессор Объединенной теологической семинарии в Дейтоне (Огайо) Э. Рослоф, прояснили «детали церковно-государственных отношений советской поры»²⁴. Стимулирующую роль сыграли и дискуссии по теоретико-методологическим вопросам. В зарубежном руссведении звучали сомнения в справедливости традиционного взгляда на Церковь как на не более чем «верного союзника монархии» в деле государственного управления или на простую «служанку» самодержавия, как в свое время писал Дж. Кертисс²⁵. Существующая «историография сбивает с толку несовместимыми образами – набожных язычников или умирающей Церкви как реликта прошлого и, в то же самое время, мощного инструмента репрессий, – констатировал в начале 1990-х гг. Г. Фриз. – В современной российской истории трудно найти область более запущенную и искаженную, чем облеченная духовной властью народная религия»²⁶. В отсутствие фундаментальных исследований, посвященных истории Церкви в предреволюционные годы, писал Фриз, «историки оказались склонны следовать стереотипам дореволюционной интеллигенции (которая была светской и антиклерикальной). Результат мало отличался от антирелигиозной пропаганды 1920–1930-х гг.»²⁷. Добавим от себя, что в не меньшей степени представления об РПЦ начала XX в. лишь как о «прислужнице деспотизма» были характерны для тогдашнего западного общественного мнения (причем далеко не только леворадикального) и в особенности для протестантских и католических кругов²⁸.

Сам Фриз решительно не согласен со взглядом на РПЦ как на «исключительно консервативную или реакционную», безоговорочно проправительственную силу²⁹. Одну из своих работ, посвященных ее позиции в последние годы существования царского режима, он озаглавил «Подрывное благочестие»³⁰. Американский ученый полагает, что в предреволюционные годы на фоне ухудшения взаимоотношений со светской властью курс церковного сообщества сводился к «отрицательной политике» пассивного сопротивления реформам как думского, так и правительственного происхождения³¹. Рецензент вышедшей в 2008 г. монографии американской исследовательницы Дж. Хедда поспешил назвать ее «окончательно хоронящей старый миф об умирающей Православной Церкви как опоре самодержавия, целиком подчиненной государству»³² (хотя в зарубежной историографии до последнего времени можно было встретить и противоположные по смыслу оценки³³).

«Смена вех» коснулась анализа положения внутри самой Церкви и ее роли в жизни российского общества. В качестве ведущей тенденции «церковного» раздела современной зарубежной историографии отечественный обозреватель указывает на стремление

поставить под вопрос «такие, казалось бы, привычные утверждения, как упадок Русской Православной Церкви в последние десятилетия существования царского режима, пропасть между сакральным и светским, наконец, несовместимость религиозности с современностью (модерностью)». Современные западные авторы пришли к выводу, что паломничества, диссидентские религиозные движения, появление новой религиозной философии и другие проявления духовных исканий явились такими же важными составляющими «эпохи модерности» (в ее российском варианте), как индустриализация, урбанизация и политические реформы начала XX в.³⁴

Роль православия в развитии русской культуры начала XX в. изучалась на конференции по случаю 1000-летия крещения Руси, состоявшейся в Калифорнийском университете³⁵. «Пересечение» и сосуществование религиозной духовности с «модерностью» в последние годы Российской империи стали предметом обсуждения участников другого крупного международного научного форума, который проходил в феврале 2002 г. в другом американском центре по изучению истории России – университете Иллинойса³⁶. Вместе со своими российскими коллегами западные авторы изучают степень и характер религиозности различных слоев русского общества в первые десятилетия XX в., включая рабочих крупнейших промышленных центров³⁷.

Анализ опубликованных источников, а также вновь открытых отечественных документальных собраний позволяет зарубежным историкам корректировать прежние стереотипные оценки церковной политики советской власти в первые годы ее существования. «Прямую практику» и «непрямую теорию» послеоктябрьского курса на подавление Церкви изучает датчанин Х. Готлиб, изумляясь интеллектуальной бедности антирелигиозных аргументов большевистских вождей и идеологов³⁸. Отталкиваясь от традиционного взгляда на «бюрократический» способ формирования советского церковного курса, финский историк А. Луукканен оспаривает представление о большевистском руководстве как об «идеологическом монолите», а о конфессиональной политике партии – как о «нескончаемом кошмаре прогрессирующих репрессий»³⁹. По его мнению, скорее это был «колеблющийся» курс, больше зависимый от общей политической ситуации в стране и личного влияния тех или иных «вождей», чем от общепартийных доктринальных установок. Другими словами, «религиозная политика большевистской партии руководствовалась в большей степени политическими реалиями, чем идеологией»⁴⁰. К сожалению, публикации «церковных» документов Политбюро ЦК РКП, выполненные Н.Н. Покровским и С.Г. Петровым⁴¹, А. Луукканен знать не мог – эти работы появились в печати почти одновременно с его книгами, а ранее изданным за рубежом запискам В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого на ту же тему⁴² должного значения он не придал. Поэтому во главе составленного им схематического изображения «Организационной структуры советских религиозно-политических органов в 1922–1938 гг.» финский историк поставил не Политбюро ЦК РКП, как следовало бы, а органы ЧК–ОГПУ–ГПУ–МВД–НКВД⁴³.

Расхождения по вопросам осуществления конфессиональной политики в столь же «немонолитном» советском руководстве более позднего времени исследует в своей вышеупомянутой (1994 г.) работе британский историк Дж. Андерсон. В целом, по мнению западных ученых, у сталинского истеблишмента по сравнению с ленинским «идеологические очки» стали еще «толще»⁴⁴. В то же время, институциональный подход к рассмотрению большевистской внутренней политики (и, в частности, в отношении РПЦ) в западной историографии, в отличие от отечественной, в последние годы очевидно угасает. Предпочтение отдается изучению конфессионального курса советской власти сквозь призму опыта различных социальных групп и через его восприятие самими религиозными сообществами⁴⁵.

Как и их российские коллеги, современные зарубежные авторы изучают биографии и анализируют взгляды видных деятелей Церкви начала XX в.⁴⁶, уделяют внимание церковной благотворительности⁴⁷, истории православных монастырей⁴⁸. Среди них так же наметился отход от прежнего «москвоцентризма» в исследовании истории

Русской Церкви⁴⁹, начато изучение русской религиозной философии⁵⁰ и Поместного Собора 1917–1918 гг.⁵¹ Другой одинаково популярный на Западе и Востоке сюжет – история российского церковного обновленчества начала XX в. – рассматривается не только с программной, организационной и политической точек зрения⁵², как в России, но и «снизу вверх» (т.е. в социальном плане), а также в контексте борьбы большевистского правительства с Православной Церковью как с институтом и общекультурным феноменом⁵³. Именно игнорированием роли религии в повседневных «представлениях и практиках» рядовых верующих американский историк У. Хасбенд объясняет конечный провал большевистского конфессионального курса⁵⁴.

В еще большей, чем в России, степени на Западе отдают дань новейшим течениям в историографии, генетически связанным с «ревизионистской» школой. Это – гендерная история (в рамках этого направления изучается «феминизация» Православных монастырей, усиление роли женщин в социальной деятельности Церкви, место религии в повседневной жизни россиян⁵⁵); регионалистика⁵⁶; имиджология и сопутствующие междисциплинарные подходы⁵⁷; империология в ее государственно-церковном, русификаторско-колониационном и межконфессиональном⁵⁸ аспектах.

В проблемном и концептуально-методологическом отношении современная зарубежная историография, включая церковную, по-прежнему заметно богаче и разнообразнее отечественной. В недавно опубликованной в Великобритании англоязычной работе японского историка и политолога Мацузато Кимитака, выполненной в «трансграничном» ключе и посвященной положению православной Церкви в «непризнанных государствах» постсоветского пространства, в качестве исторического экскурса приводятся интересные сведения об отношении иерархов РПЦ к экуменическому движению начала 1920-х гг.⁵⁹ Британец Дж. Андерсон в 2003 г. опубликовал книгу, посвященную сравнительному анализу религиозной свободы в России, Польше, Испании, Греции, Болгарии и полудюжине других «переходных обществ»⁶⁰. Деятельность приходского духовенства начала XX в. интересует зарубежных историков не только как проявление традиционалистских реакций деревни (по сравнению с модернизационными тенденциями города)⁶¹, но и в контексте социокультурного конфликта духовенства с «сельским гражданским обществом» (rural civil society), «народными верованиями» (popular religion), или с «деревенской эсхатологией» (folk eschatology)⁶².

Подводя итог, можно констатировать, что в целом в постсоветские годы зарубежная и отечественная историографии сблизились тематически, но по-прежнему развиваются преимущественно «параллельными курсами» (что и дает нам право рассматривать их порознь). Целеустановочные и методологические различия остаются серьезными и глубокими. В отечественной историографии, по крайней мере, интересующего нас тематического направления, не заметен «вкус» к методологическим новациям, преобладает мнение, что время «конструкторов глобальных концепций» еще не пришло. Исходя из убеждения, что в основе исторического исследования лежит не столько метод интерпретации факта, сколько сам факт, российские историки заняты преимущественно разысканием, обработкой и осмыслением вновь открывшихся архивных документов и их источниковедческим анализом для последующего корректного использования в историческом исследовании. Такова, помимо прочего, естественная реакция на десятилетия советской заидеологизированности, тематической ограниченности, «вольного» обращения с источниками и систематической лжи.

В свою очередь, современная западная русистика во многом увлечена концептуально-методологическим экспериментаторством. В результате, признает Д. Рансел, налицо «расшатывание устоявшихся представлений и демонстрация изменчивости общепризнанных исследовательских категорий»⁶³. Предсказать результаты этих умственных упражнений не берутся даже сами западные исследователи. Нельзя, однако, не признать, что осознанный и целенаправленный поиск новых интерпретаций, методов и подходов к осмыслению конкретно-исторических данных, если он не превращается в самоцель, остается сильной стороной зарубежной историографии, особенно англо-американской. Публикация исторических источников никогда не была «коньком»

зарубежной историографии; ныне ее можно отнести к умирающему на Западе жанру исторического исследования⁶⁴.

Российские историки все еще плохо знакомы с сочинениями иностранных ученых, и не только по причине языкового барьера⁶⁵. На Западе, по общему правилу, подобных (в сущности, технических) проблем нет, но многие историки не особенно стремятся следить за состоянием российской историографии⁶⁶. «Для западных россиеведов более типично откликаться на интеллектуальные течения в своей собственной научной среде, чем на сочинения российских ученых», – с сожалением констатирует тот же Д. Рансел, один из тех зарубежных исследователей, кто давно (но пока, увы, тщетно) стремится превратить российских и западных историков России в «единое научное сообщество»⁶⁷. В этом контексте не выглядит случайным ставшее в последние годы редким и выборочным рецензирование зарубежной научной периодической работ отечественных авторов. Так, в 2006–2010 гг. на страницах весьма авторитетного и широко читаемого в ученом мире американского ежеквартальника «Slavic Review» (примерно треть объема каждого номера которого занимает рубрика «Book Reviews») все богатство современной российской историографии и археографии интересующей нас тематики оказалось отображено рецензией на один сборник документов по истории РПЦ в 1917 г.

По-прежнему актуальной задачей нам видится налаживание конструктивного профессионального диалога отечественных и зарубежных специалистов по истории Русской Православной Церкви и окончательное преодоление реликта холодной войны в лице их академической и институциональной разобщенности. Думается, что по мере насыщения фактами одних и исчерпания конкретно-исторического материала в распоряжении других, взаимное «притяжение» этих двух историографических ветвей будет нарастать. Хорошо, если стремление к сближению станет осознанным и обоюдным. Почему бы для почина не начать публиковать работы отечественных авторов в западных научно-исторических изданиях на языке оригинала (т.е. по-русски – всякий серьезный россиевед обязан, по крайней мере, свободно читать на этом языке), как это, например, практикуют специалисты японского Slavic Research Center в своем ежегоднике «Acta Slavica Iaponica»?

Сплав огромного массива достоверной фактической информации, выявленной отечественными историками, с возможными концептуальными находками их западных коллег, как нам кажется, в будущем способен дать неплохой результат.

Примечания

¹ Основные исторические работы по этой теме, вышедшие за рубежом в более ранние годы, проанализировал петербургский историк А.Н. Кашеваров (*Кашеваров А.Н.* Государственно-церковные отношения первых лет советской власти в зарубежной историографии // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. СПб., 2001. № 11–12. С. 60–67).

² *Suny R.G.* Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // *The Russian Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 167, 168. В отечественной историографии об этом см.: *Бородкин Л.И., Селунская Н.Б.* Методы изучения социальной истории в американской историографии: (По поводу «Проекта социальной истории Филадельфии») // *История СССР*. 1978. № 2. С. 217–225; *Миронов Б.Н.* Историк и социология. Л., 1984.

³ См.: *Bushkovitch P.* [рец. на:] Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / Ed. by S.H. Baron and N.S. Kollmann. DeKalb, 1997 // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 2. P. 444; *Viola L.* [рец. на:] *Young G.* Power and Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. University Park, 1997 // *Ibid.* № 3. P. 666; *Engelstein L.* Paradigms, Pathologies, and Other Clues to Russian Spiritual Culture: Some Post-Soviet Thoughts // *Ibid.* № 4. P. 866.

⁴ *Lawrence J.* Introduction // Religion and Atheism in the USSR and Eastern Europe / Ed. by B.R. Bociurkiw and J.W. Strong. L., 1975. P. IX.

⁵ *Bell D.* The Return of the Sacred? // *British Journal of Sociology*. 1977. Vol. 28. № 4; *Billington J.H.* Fire in the Minds of Men // *The Wilson Quarterly*. 1980. Vol. 4.

⁶ *Dunn D.* Preface // Religion and Atheism in the USSR... P. 9.

⁷ См.: *Pospielovsky D.* *Intelligentsia and Religion: Aspects of Religious Revival in the Contemporary Soviet Union. The Orthodox Church // Religion and Atheism in the USSR...* P. 11–44; *Bourdeaux M.* *Patriarch and Prophets: Persecutions of the Russian Orthodox Church Today.* L., 1970; *Dunn D.* *Religion Renaissance in the USSR // Journal of Church and State.* 1977. Vol. 19. № 1; *Ellis J.* *The Russian Orthodox Church. A Contemporary History.* L., 1986; *Хироока М.* *Собиэто сэйдзи то сюке (Государство и церковь в СССР: история и современность) (на японском языке).* Токио, 1988; *Candle in the Wind – Religion in the Soviet Union / Ed. by E. Shirley, Jr. and M. Rowe.* Washington, 1989; и др.

⁸ См., например: *Field M.G.* *Religion and Soviet Society: A Sociologist's Viewpoint // Studies on the Soviet Union.* 1968. Vol. IX. № 2; *Dunn E., Dunn S.P.* *Religious Behaviour and Socio-cultural Change in the Soviet Union // Religion and Atheism in the USSR...* P. 123–150; *Lane C.* *Christian Religion in the Soviet Union: A Sociological Study.* L., 1978.

⁹ См.: *Delaney J.* *The Origins of Soviet Antireligious Organizations // Aspects of Religion in the Soviet Union: 1917–1967 / Ed. by R.H. Marshall, Jr.* Chicago, 1971; *Bochenski J.M.* *Marxism-Leninism and Religion // Religion and Atheism in the USSR...; Stromberg R.* *Marxism and Religion // Studies in Soviet Thought.* 1979. Vol. 19. P. 209–216; *Pospielovsky D.* *The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982.* In 2 vols. N.Y., 1984; *Religionspraktik und Religionskritik bei Marx, Lenin, Mao / Hrsg. von H.J. Braun, E. Bryner, N. Meinenberger.* Zürich, 1985.

¹⁰ *Струев П.Б.* Вводная статья // *Черная книга («Штурм небес»).* Сборник документальных данных / Сост. А.А. Валентинов. Париж, 1925. С. 9–10.

¹¹ *Kolarz W.* *Religion in the Soviet Union.* L.; N.Y., 1961. P. V; *Fletcher W.C.* *A Study in Survival. The Church in Russia, 1927–1943.* L., 1965; *idem.* *The Russian Orthodox Church underground, 1917–1970.* Oxford, 1971; *Buss G.* *The Bear's Hug: Religious Belief and the Soviet State.* L., 1987; *Сметанов (Русак) В.* *Свидетельство обвинения: Церковь и государство в Советском Союзе.* Т. 1–3. Джорданвилл, 1987; *Husband W.B.* *Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917–1932 // Journal of Modern History.* 1998. Vol. 70. № 1. P. 74–107.

¹² *Поспеловский Д.В.* *Русская Православная Церковь: испытания начала XX в. // Вопросы истории.* 1993. № 1. С. 42.

¹³ *Vociurkiw B.* *The Shaping of Soviet Religious Policy // Problems of Communism.* 1973. Vol. 32. № 2. P. 37–51.

¹⁴ *Ramet S.P.* *Nihil Obstat: Religion, Politics and Social Change in East-Central Europe and Russia.* Durham, 1998.

¹⁵ Например, в 2001 г., по прямому указанию Президента РФ В.В. Путина, российское гражданство было предоставлено историку Церкви, 79-летнему сыну офицера царской армии Г.А. Рару и его супруге.

¹⁶ В 1993 г. книжное собрание Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино пополнилось обширной (около 4 тыс. наименований) коллекцией русского богослова, философа и историка Церкви Н.М. Зёрнова (1898–1980), которую, по его завещанию, передала в дар библиотеке его вдова М.В. Зёрнова.

¹⁷ *Деннен К.* «Распространять правду – очень опасное дело, особенно когда государство основано на лжи» // *Религия и право. Информационно-аналитический журнал.* 2003. № 4(32). С. 15.

¹⁸ См., например, рецензию Роберта Л. Николса на книгу С.Л. Фирсова «Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России» (СПб., 1996) (*Slavic Review.* 2000. Vol. 59. № 3. P. 677–678).

¹⁹ *Engelstein L.* *Op. cit.* P. 864.

²⁰ *Suny R.G.* *Revision and Retreat in the Historiography of 1917.* P. 170.

²¹ См.: *Bonnell V.E., Hunt L.* *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture.* Berkeley, 1999.

²² *Slavic Review.* 2003. Vol. 62. № 4. P. 858.

²³ См.: *Bourdeaux M.* *The Gospel's Triumph Over Communism.* Minneapolis, 1991; *idem.* *The Role of Religion in the Fall of Soviet Communism.* L., 1992; *Valliere P.* *The Social and Political Role of the Orthodox Church in Post-Communist Russia // Nationality Papers. Special Issue.* 1992. Vol. XX. № 1; *Cross and Commissar: The Politics of Religion in Eastern Europe and the USSR / Ed. by S.P. Ramet.* Bloomington, 1992; *Wiegel G.* *The Final Revolution: The Resistance Church and the Collapse of Communism.* N.Y., 1992; *Anderson J.* *Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States.* N.Y., 1994; *The Politics of Religion in Russia and the New States of Eurasia / Ed. by M. Bourdeaux.* N.Y.; L., 1995; *Ellis J.* *The Russian Orthodox Church: Triumphalism and Defensiveness.* N.Y., 1996; *Religious Transition in Russia / Ed. by M. Kotiranta.* Helsinki, 2000; и др.

²⁴ *Roslof E.* [рец. на:] *Кривова Н.А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997 // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. № 3. P. 692.

²⁵ *Curtiss J.Sh.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950. Gloucester, 1953 (reprinted in 1965).

²⁶ *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia* / Ed. by S.K. Batalden. DeKalb, 1993.

²⁷ *Freeze G.L.* Church and Politics in Late Imperial Russia: Crisis and Radicalization of the Clergy // *Russia under the Last Tsar. Opposition and Subversion, 1894–1917* / Ed. by A. Geifman. L., 1999. P. 269.

²⁸ Подробнее см.: *Павлов Д.* «Христианский вопрос» в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством? (по материалам мировой печати) // *Acta Slavica Iaponica*. 2009. Т. 26. P. 47–84.

²⁹ *Freeze G.L.* Church and Politics in Late Imperial Russia. P. 284.

³⁰ *Freeze G.L.* Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // *Journal of Modern History*. 1996. № 68. P. 308–350.

³¹ *Freeze G.L.* Church and Politics in Late Imperial Russia. P. 284.

³² *Kenworthy S.* [рец. на] *Hedda J.* His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia. DeKalb, 2008 // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. № 3. P. 694.

³³ См., например: *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 165.

³⁴ *Большакова О.В.* Повествование о сакральном: Религия и духовность в России нового времени (реферат) // *История России в современной зарубежной науке. Сборник обзоров и рефератов*. Ч. 2. М., 2010. С. 108–109.

³⁵ См.: *Christianity and the Eastern Slavs*. Vol. 2. Russian Culture in Modern Times / Ed. by R.P. Hughes and I. Paperno. Berkeley, 1994.

³⁶ См.: *Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia* / Ed. by M.D. Steinberg and H.J. Coleman. Bloomington, 2007.

³⁷ См.: *New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840–1918* / Ed. by M. Melancon and A.K. Pate. Bloomington, 2002 (статьи Г. Фриза, С. Диксона и С.Л. Фирсова).

³⁸ *Gottlieb C.* Dilemmas of Reaction in Leninist Russia. The Christian Response to the Revolution in the Works of N.A. Berdyaev, 1917–1924. Odense, 2003. P. 36–42.

³⁹ *Luukkanen A.* The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917–1929. Helsinki, 1994; *idem.* The Religious Policy of the Stalinist State. A Case Study: The Central Standing Commission on Religious Questions, 1929–1938. Helsinki, 1997.

⁴⁰ *Ibid.* P. 31–32, 34.

⁴¹ См.: Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. // Сост. Н.Н. Покровский и С.Г. Петров. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997; *Петров С.Г.* Секретная программа ликвидации Русской Церкви: Письма, записки и почто-телеграммы Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) (1921–1922 гг.). // *Сибирская провинция и центр: культурное взаимодействие в XX в.* Новосибирск, 1997.

⁴² См.: Строго секретное письмо В.И. Ленина членам Политбюро ЦК РКП от 19 марта 1922 г. // *Вестник Русского студенческого христианского движения*. Париж; Нью-Йорк, 1970. № 98. С. 54–57; *The Trotsky Papers, 1917–1922*. Vol. 1. 1917–1919. L.; The Hague; P., 1964. P. 270.

⁴³ *Luukkanen A.* The Religious Policy of the Stalinist State. P. 33. На другие недостатки сочинений А. Луукканена уже указывалось, см.: *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 3. P. 670–671.

⁴⁴ *Mechanisms of Power in the Soviet Union* / Ed. by N.E. Rosenfeldt, B. Jensen and E. Kulavig. N.Y., 2000. P. 175.

⁴⁵ См., например: *Politik und Religion in der Sowjetunion 1917–1941* / Hrsg. Christoph Gassenschmidt und Ralph Tuchtenhagen. Wiesbaden, 2001.

⁴⁶ *Plamper J.* The Russian Orthodox Church Episcopate, 1721–1917 // *Journal of Social History*. 2000. Vol. 34. № 1. P. 5–34; *Kizenko N.* A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People. University Park, 2000.

⁴⁷ *Lindenmeyr A.* Poverty is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. Princeton, 1996.

⁴⁸ См.: *Wynot J.* Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. Austin, 2004. См. также научно-популярную работу: *Robson R.* Solovki: The Story of Russia Told through its Most Remarkable Islands. New Haven, 2004.

⁴⁹ См.: *Prinz-Aus J.* Die Russisch-Orthodoxe Kirche im mittelalterlichen Pskov. Wiesbaden, 2004.

⁵⁰ *Copleston F.* Russian Religious Philosophy: Selected Aspects. Notre Dame, 1988; Russian Religious Thought / Ed. by J. Deutsch Kornblatt and R.F. Gustafson. Madison, 1996; *Evtuhov C.* The Cross and the Sickle: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy. Ithaca, 1997; *Gottlieb Ch.* Op. cit.

⁵¹ *Evtuhov C.* The Church in the Russian Revolution: Arguments for and against Restoring the Patriarchate at the Church Council of 1917–1918 // *Slavic Review.* 1991. Vol. 50. № 3. P. 497–511.

⁵² См.: *Cunningham J.W.* A Vanished Hope: The Movement for Church Renewal in Russia, 1905–1906. N.Y., 1981; *Walters P.* The Renovationalist Coup: Personalities and Programmes // Church, Nation and State in Russia and Ukraine / Ed. by G.A. Hosking. Basingstoke; L., 1991. P. 250–270.

⁵³ *Freeze G.L.* Counter-reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // *Slavic Review.* 1995. Vol. 54. № 2. P. 305–339; *Roslof E.* The Heresy of «Bolshevik» Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP // *Slavic Review.* 1996. Vol. 55. № 3. P. 614–635; *idem.* Red Priests: Renovationalism, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905–1946. Bloomington, 2002.

⁵⁴ *Husband W.B.* «Godless Communists»: Atheism in State and Society in Soviet Russia, 1917–1932. DeKalb, 2000. P. 129.

⁵⁵ См.: *Wagner G.* «Orthodox Domesticity»: Creating a Social Role for Women // Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia. P. 119–145; Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars and Beyond / Ed. by V.A. Kivelson and R.H. Greene. University Park, 2003; *Engel B.A.* Women in Russia, 1700–2000. Cambridge, 2004.

⁵⁶ См., например: Provincial Landscapes: Local Dimensions of Soviet Power, 1917–1953 / Ed. by D.J. Raleigh. Pittsburgh, 2001; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit.

⁵⁷ См.: *Smith M.G.* Language and Power in the Creation of the USSR, 1917–1953. Berlin, 1998; *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (Mass), 1999; *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999; *Gorham M.S.* Mastering the Perverse: State Building and Language «Purification» in Early Soviet Russia // *Slavic Review.* 2000. Vol. 59. № 1. P. 133–153; *idem.* Speaking the Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia. DeKalb, 2003.

⁵⁸ См.: Church, Nation and State in Russia and Ukraine; *Weeks T.R.* Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996; *Hosking G.* Russia: People and Empire, 1552–1917. L., 1997; Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by R.P. Geraci and M. Khodarkovsky. Ithaca, 2001; *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca, 2002; *idem.* Orthodoxy as Aspiration (and Beyond): Religious Identity on the Edges of the Orthodox Community, 1740–1917 // *Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars and Beyond.* University Park, 2003.

⁵⁹ *Matsuzato K.* South Ossetia and the Orthodox World: Official Churches, the Greek Old Calendarist Movement, and the So-called Alan Diocese // *Journal of Church and State.* 2010. August 11.

⁶⁰ *Anderson J.* Religious Liberty in Transitional Societies: The Politics of Religion. Cambridge, 2003.

⁶¹ См.: *Heretz L.* Russia on the Eve of Modernity: Popular Religion and Traditional Culture under the Last Tsars. Cambridge, 2008. P. 1. В отечественной историографии см.: *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

⁶² См.: *Young G.* Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village. University Park, 1997; Reinterpreting Russia / Ed. by G. Hosking and R. Service. Oxford, 1999 (статья С. Диксона); *Chulos Ch.* Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861–1917. DeKalb, 2003.

⁶³ *Ransel D.L.* A Single Research Community: Not Yet // *Slavic Review.* 2001. Vol. 60. № 3. P. 553.

⁶⁴ За минувшие полтора десятилетия единственным в англо-американской археографии тематическим документальным изданием, посвященным интересующим нас вопросам, стал сборник материалов советских церковных учреждений за 1917–1991 г., см.: *Religion in the Soviet Union: An Archival Reader* / Ed. and trans. by F. Corley. N.Y., 1996.

⁶⁵ В наши дни отечественные издатели все реже обращаются к переводам и изданию работ зарубежных специалистов по новейшей истории России и РПЦ. Познакомиться же с ними в оригинальном виде по-прежнему непросто – катастрофическая ситуация с комплектованием фондов отечественных библиотек (включая центральные) трудами иностранных историков стала немного меняться к лучшему лишь в самое последнее время.

⁶⁶ Не далее как в 2005 г. канадский историк Ф. Лонгворт сетовал на столь «важное упущение» современной отечественной историографии, как «фактически полное отсутствие» работ, посвященных управленческой, пасторской, политической и миссионерской деятельности РПЦ при царизме. См.: *Longworth P. Russian History in the Post-Communist Age: A Personal View // Новые направления и результаты в международных исследованиях по русистике / Под ред. Д. Свака. Будапешт, 2005. П. 201.*

⁶⁷ *Ransel D.L. A Single Research Community: Not Yet. P. 550–551.*

© 2011 г. Н.В. МАКАРОВ*

ЛИДЕР РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА П.Н. МИЛЮКОВ В ОЦЕНКАХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: сравнительный анализ

Осмысление истории российского либерализма сложно представить без изучения биографий, мировоззрения, политических идеалов его руководителей и идеологов. Жанр политической биографии позволяет «очеловечить» историю, увидеть за социально-экономическими и политическими схемами живых людей с их представлениями и нуждами. Этот жанр, активно развивающийся в отечественной историографии¹, в англо-американской исторической науке давно является традиционным².

Особое внимание уделяется при этом фигуре лидера российского либерализма П.Н. Милюкова. В англоязычной науке созданы 2 фундаментальные биографии Милюкова³, ему посвящено многочисленных статьи⁴, уделяется внимание в книгах как по истории российского либерализма⁵, так и в трудах, затрагивающих общие сюжеты российской дореволюционной истории⁶. С идейно-теоретическими построениями Милюкова, его огромной ролью в руководстве партией, тактическим курсом нередко связывается судьба либерализма в дореволюционной России. И в отечественной историографии в последние десятилетия появились работы, специально посвященные лидеру кадетов. Это журнальные статьи⁷, монографии⁸, статьи в энциклопедических изданиях⁹. К 140-летию и 150-летию Милюкова были приурочены международные конференции, по материалам которых вышли информативные сборники¹⁰. При этом в последние годы между российскими и западными учеными, изучающими биографию Милюкова, установился достаточно прочный диалог, что и позволяет провести содержательный сопоставительный анализ их концепций. Данная статья является попыткой такого анализа материала доэмигрантского периода его жизни.

Англо-американские историки уделяют значительное внимание истокам мировоззрения Милюкова. Они подчеркивают влияние, оказанное на него теоретиками позитивизма – О. Контом, Г. Спенсером, Дж. Ст. Миллем и др., сказавшееся в первую очередь в «Очерках по истории русской культуры»¹¹. Подобное влияние подчеркивают и отечественные историки, но в последние годы этот тезис корректируется. Помимо традиционных утверждений о том, что «позитивистские взгляды легли... в основу исторической концепции Милюкова» (Н.Г. Думова), российские историки отмечают ныне и влияние на исторические воззрения Милюкова американских социологов Л. Уорда и Ф.Г. Гид-

* Макаров Николай Владимирович, кандидат исторических наук, начальник отдела наук о человеке и обществе Российского фонда фундаментальных исследований.